
Ло Си неотступно следовал за Мо Ханьчи до самого пика Малой Лазурной Волны. Он видел, как тот медленно карабкается вверх по цепким лозам, как тяжело входит в свою комнату и плотно прикрывает дверь, погружаясь в медитацию. Ло Си сам не знал, почему не может уйти — что-то внутри не давало оставить Ханьчи одного. Глядя на него, он не мог избавиться от страха: казалось, в таком состоянии человек способен на любую глупость.

Наступила ночь. Мо Ханьчи наконец вышел из своей маленькой кельи. На пике Малой Лазурной Волны по-прежнему никого не было. В пустынном дворе царила тишина, нарушаемая лишь завыванием горного ветра, перебиравшего траву, словно волны. Ханьчи медленно прошел к заднему двору и опустился на плоский камень. Обхватив колени руками, он долго сидел неподвижно, уставившись в ночное небо.

Ло Си таился в тени, прижимая к себе молчаливого Бай У.

Спустя время Мо Ханьчи поднялся. Перемахнув через невысокую стену, он выкопал из земли спрятанный кувшин вина и вернулся в комнату. Там он расставил три чарки и в каждую до краев налил хмельную влагу.

Ло Си следил за каждым его движением. Внезапно остекленевший взгляд Ханьчи оживился. Он поднял чарку и произнес твердо, с надрывом:

— Старший брат Чэн Лан, пусть твой путь будет легким. Твой младший брат клянется: я найду тех, кто это сделал, и отомщу.

С этими словами он осушил чашу залпом. У Ло Си дрогнуло сердце — он никогда не видел Мо Ханьчи таким. Ненависть, которую тот пытался загнать в самую глубь души, была Ло Си до боли знакома.

— Хватит. Прекрати, — не выдержал Ло Си, выходя из тени. — Это не твоя вина.

Мо Ханьчи коротко рассмеялся, но смех тут же перешел в крик:

— Ха! Ты думаешь, я не справлюсь? Считаешь меня слабаком, да, Ло Си? — Он вскочил и яростно посмотрел на него. — Знаешь что? Больше всего на свете я ненавижу тебя! Если бы ты только не появлялся в моей жизни, всё было бы иначе!

— Тогда я исчезну прямо сейчас, — тихо ответил Ло Си.

— Кто тебе позволил уходить?! — вскинулся Ханьчи.

Ло Си невольно усмехнулся.

— Ну и характер у тебя.

— Проваливай, — буркнул Мо Ханьчи, слегка покраснев.

Ло Си понял: раз этот упрямец заговорил, значит, самое страшное позади. Не проронив больше ни слова, он растаял в ночной прохладе.

Ханьчи посмотрел на пустую чарку, хотел было снова окликнуть Ло Си, но того и след простыл. Тяжело вздохнув, он выпил еще одну чашу и, уронив голову на каменный стол, забылся тяжелым сном.

Вернувшись в основную обитель Куньлуня, Ло Си первым делом направился к наставнику. Ночь была глубокой, но он знал: учитель Даоинь вряд ли спит в такой час.

Едва он подошел к дверям маленького дворика, как в воздухе эхом отозвался голос главы ордена:

— Ло-эр вернулся?

— Ученик приветствует учителя, — Ло Си низко поклонился.

Даоинь взмахнул рукавом, и створки дверей с тихим шорохом распахнулись. Внутри теплился свет свечи.

— Заходи, садись.

— Благодарю, учитель.

— Спрашивай, — Даоинь отхлебнул чаю. — Твое сердце полно сомнений, я вижу это.

Ло Си замялся, не зная, с чего начать. Видя его замешательство, старец продолжил сам:

— Что ж, тогда я спрошу первым. Какова обстановка в миру?

— Демоны неистовствуют среди бела дня, — начал Ло Си. — Сначала мы встретили Лэн Ушунана, молодого господина города Небесного Озера Чанбай... Но самым неожиданным стало

то, что шишу Су оказалась потомком Травяной обители Короля Медицины.

Он подробно пересказал учителю события последних трех месяцев, умолчав лишь о встрече с Хуа Шуином и сокрыв существование Дворца Лошуй.

Даоинь долго молчал, переваривая услышанное.

— Настало время поведать тебе правду, — наконец произнес он. — Ты умен и, верно, уже о многом догадался. Около четырнадцати лет назад в этот мир пришла Девушка Небесного Мандата. В то время Императору оборотней было уже несколько столетий, а Фэн Юэ находился в Куньлуне. Все были убеждены: родилась Владычица Демонов. Тень смуты двадцатилетней давности довлела над миром, все видели в этом ребенке лишь семя беды. Десять лет ушло на то, чтобы вычислить твою дату рождения. Я и помыслить не мог, что кто-то поступит с семьей Ло так жестоко...

Старец вздохнул, глядя на пламя свечи.

— Позже один великий мастер спас тебя и привез в Куньлунь, чтобы уберечь от убийц. Но все мы ошибались. Владычица Демонов — это совсем другой человек. Для тебя это благо, но для бессмертных орденов — грядущая катастрофа.

— Я догадывался, — негромко отозвался Ло Си. — Но не думал, что родители погибли из-за меня. Теперь я смогу со спокойным сердцем вернуться и почтить их память.

— Хорошо. Но я не договорил. Куньлунь понес тяжелые потери, нам нужно время на восстановление. Несколько дней назад наши люди пытались схватить Девушку Мандата, но попали в ловушку. По непонятной причине демоны и оборотни, всегда враждовавшие, объединились. Фэн Юэ еще не обрел целостность души и не может стать Небесным Мечом — последним щитом этого мира. Наш единственный шанс — четвертая Девушка Небесного Мандата. Мы не знаем, зачем она пришла, кто она и где ее искать.

— Учитель, — перебил Ло Си, — почему двенадцать золотых бессмертных Куньлуня не вмешаются?

Даоинь горько усмехнулся:

— «Двенадцать бессмертных» — лишь почетный титул великих мастеров прошлого. После войны двадцатилетней давности их осталось лишь трое. Двое пребывают в глубочайшем затворе, а третий исчез. Он не вмешался тогда, не вмешается и сейчас. Он медлит с вознесением лишь из-за того, кто сокрыт в духовных жилах Куньлуня...

Ло Си не до конца понял смысл этих слов, но почувствовал их тяжесть.

— Учитель, скажите прямо: что я должен делать?

— Твой талант велик, Ло-эр. Будущее противостояние ляжет на ваши плечи. Если бы не вмешательство Почтенного Хэнтая, Куньлунь мог пасть. Теперь Почтенные Хэнтай и Тяньюань отберут лучших учеников, чтобы те вошли в духовные жилы гор для долгого затвора. Куньлунь закроет свои врата и отрешится от мирской суеты.

Ло Си замер.

— А как же...

— Если в твоём сердце есть те, кто тебе дорог — прощайся с ними сейчас, — отрезал Даоинь. — Срок затвора невелик или бесконечен: до самого пришествия Владычицы Демонов. Это может занять годы, а может и столетия. Если уйдешь, не попрощавшись, боюсь, вы больше никогда не встретитесь.

Ло Си опустил голову.

— У меня больше не осталось тех, по ком стоило бы тосковать.

На следующее утро Мо Ханьчи проснулся от женского плача. Когда он вошел в главный зал, наставница крепко прижала его к себе. Маленький Ланьюэ — бывший Сяо Саньцзы — сидел в углу, набивая рот булками, а Цзысю в траурных одеждах стояла на коленях перед белым поминальным знаком.

Старейшина Даочжэнь стоял спиной к ним, глядя в окно.

— Дитя, — заговорил он, не оборачиваясь. — Я исполню твою просьбу. Ты станешь хозяином пика Малой Лазурной Волны.

Цзысю дважды ударила челом об пол. Наставница помогла ей подняться, утирая слезы.

— Сяо Саньцзы, иди сюда, — позвал Мо Ханьчи. Мальчик бросил булку и подбежал к нему. — Учитель, этот ребенок остался сиротой. Позвольте ему стать вашим учеником.

Мальчик тут же рухнул на колени:

— Учитель!

— У него еще нет имени, — добавил Ханьчи. — Прошу вас, дайте ему его.

Даочжэнь обернулся и посмотрел на хрупкого, истощенного ребенка, в котором светилась неистовая надежда. Сердце старика болезненно сжалось.

— Куньлунь — не место для него.

— У меня больше нет дома! — отчаянно выкрикнул мальчик.

Даочжэнь вздохнул:

— Хорошо. Отныне ты мой последний ученик. Помни своих старших братьев и сестру — они были готовы отдать жизнь за орден. Каждый из них был героем. С этого дня твое имя — Ланьюэ, «Ясная луна в зените».

В этот момент в дверях послышался торопливый топот. В залу вбежала Су Цзии — волосы растрепаны, вид измученный, словно она не спала всю ночь.

— Где Бай У? — первым делом спросил Ханьчи.

— Не до него сейчас! — выдохнула она. — Если бы я не пришла сейчас, возможно, мы бы больше не увиделись в этой жизни!

Мо Ханьчи нахмурился:

— О чем ты?

— Старейшина Даочжэнь... — Су Цзии обернулась к мастеру. — Почтенные лично отобрали учеников для затвора.

— Это же хорошо, — пожал плечами Ханьчи. — Чего ты так паникуешь?

— Этот затвор... он может длиться сотни лет! — сорвалась она на крик. — Учитель сказал, что теперь это не наш выбор. Каждый, в чьем теле есть кость бессмертия, обязан уйти в затвор. А те, в ком ее нет... они могут либо остаться в Куньлуне до конца своих дней, либо покинуть гору.

Мо Ханьчи медленно повернулся к учителю. Тот тяжело вздохнул.

— Это правда, Ханьчи. Куньлунь истощен. Мы закрываем гору на столетие, чтобы выстоять перед лицом Демонического Владыки. Ты навсегда останешься нашим учеником, но... если ты останешься здесь, ты просто состаришься и умрешь в этих стенах, не видя мира. Ты не

обладаешь костью бессмертия, а демоны сейчас слишком сильны, чтобы ты мог противостоять им в одиночку. Даже твой старший брат, обладавший великим талантом, погиб...

— Учитель, довольно. Я понял... — Мо Ханьчи сжал кулаки и низко опустил голову.

— Наличие кости — это судьба, а не выбор человека, — мягко произнесла наставница.

— Не нужно меня утешать. Я и сам давно знал, что мне не сравниться с настоящими учениками ордена. Путешествие с Ло Си показало мне достаточно.

Ханьчи внезапно опустился на колени.

— Но я должен поклониться вам трижды. Первый поклон — за то, что признали меня своим учеником.

Раздался глухой стук — Ханьчи приложился лбом к полу так сильно, что Даочжэнь невольно вздрогнул. У него было мало учеников: один погиб, другой в плену... Остался лишь этот упрямец, и старик не мог позволить ему снова рисковать собой.

Второй стук.

— Этот поклон — за маленького Ланьюэ и всех братьев. Спасибо за вашу науку.

И третий.

— И я забираю У-эра с собой.

Мо Ханьчи долго не поднимался. Затем он молча ушел в свою келью собирать вещи. Су Цзии последовала за ним. Воздух в комнате казался густым и тяжелым.

— Те три удара колокола... — прошептал Ханьчи, увязывая скромный узел. — Они ведь означали закрытие горы?

— Да, — понурилась Су Цзии. — Учитель сказал мне об этом только ночью.

— Послушай... — Ханьчи горько усмехнулся. — Когда мы увидимся снова, я, наверное, буду дряхлым стариком или вовсе стану горсткой праха. А вы останетесь такими же молодыми.

— Не говори так! — отрезала она. — Куньлунь не раз закрывал врата, и часто они открывались гораздо раньше. Ты вернешься.

— Су-шишу, принеси мне Бай У. Сделай это сейчас, пока никто не понял, что он — Цилинь. Иначе мне не дадут его увести.

— Хорошо. Жди здесь, никуда не уходи! — Она со всех ног бросилась вон.

Мо Ханьчи сел на кровать и негромко произнес в пустоту:

— Чего прячешься? Ты ведь тоже всё узнал ночью. Мог бы и не утруждаться, перетаскивая меня в постель под утро.

— Раз твое духовное зрение пробудилось, почему же у тебя нет кости бессмертия? — раздался голос, и чья-то рука больно ущипнула Ханьчи за щеку.

— Ай! Больно, придурок! — взвыл тот.

Ло Си соткался из воздуха прямо перед ним.

— Ха-ха! Вот теперь ты похож на того Ханьчи-гэ, которого я знаю.

— Ло-эр... девичье имя. Тебе бы оно подошло, — пробурчал Мо Ханьчи.

— Ты звучишь просто отвратительно, — фыркнул Ло Си.

— Эх, будь ты девушкой — я бы на тебе женился, — ляпнул Ханьчи, глядя в пространство.

— Глядишь, к твоему выходу я уже перерожусь в девицу и выйду за тебя, — отозвался Ло Си. — У тебя и деньги есть, и рожа смазливая, так что вариант неплохой.

— Опять несешь чушь, — проворчал Мо Ханьчи, глядя на него.

— Я серьезно, — ответил Ло Си. — Мо Ханьчи, лови на слове: когда увидимся — выйдешь за меня. — Он улыбнулся так, что у Ханьчи по спине пробежал холодок. Не дожидаясь ответа, Ло Си исчез.

— Это что, прощание? С заклятым врагом? — пробормотал Ханьчи. В душе стало странно легко, а былая тоска мгновенно испарилась.

На пике Пронзающем Небеса, когда-то шумном, теперь было пусто и зябко. Над горами

Куньлуня скопились тяжелые тучи, которые не рассеивались уже несколько дней. Люди шептались, что это души павших учеников вернулись попрощаться с домом.

Мо Ханьчи стоял у храма Трех Чистых. За спиной — меч Бахуан, в руках — Бай У. Рядом замерли десятки таких же, как он — тех, кто не имел кости бессмертия и не желал медленно угасать в горах. Они уходили в мир или в другие ордена. Ханьчи никому не сказал, куда направится. Домой он не вернется — он выбрал свой путь самосовершенствования.

В полдень они начали спуск. Едва они миновали подножие, как величественные, покрытые зеленью пики, видимые еще мгновение назад, внезапно исчезли за гигантской призрачной схемой Багуа. Снежная буря, терзавшая предгорья, разом стихла. Яркое солнце ослепило его, отражаясь от девственно-белых снегов.

Ханьчи зажмурился, а когда открыл глаза — путь преграждала сплошная стена черных скал, слившихся с белоснежной равниной. Тысяча ступеней облачной лестницы испарилась без следа.

Куньлунь показался ему лишь долгим, несбыточным сном. Если бы не тяжесть Бахуана за спиной, он бы усомнился, что всё это было наяву. Мо Ханьчи стоял среди снегов, чувствуя, как ледяной холод пробирается под одежду.

Он развернулся, чтобы встать на меч, но почувствовал в сумке что-то твердое. Заглянув внутрь, он обнаружил нефритовую табличку с вырезанным иероглифом «Ло» и сложенное письмо.

«Мо Ханьчи, прими это. Если закончатся деньги или попадешь в беду — иди в любую лавку семьи Ло. Если и это не поможет — ищи Хуа Шуина. Живи долго. И не забывай: ты обещал помочь мне с мезтью».

— Идиот... — Ханьчи посмотрел на невидимый теперь Куньлунь. — К твоему выходу я стану таким, что ты не посмеешь смотреть на меня свысока.

— Ты домой? — спросил его один из уходящих соратников.

— Нет, — Ханьчи вскочил на Бахуан. — Я пойду истреблять демонов.

Меч рванулся с места, унося своего всадника прочь — в сторону, прямо противоположную его родному дому.